

ХХ век
КПСС
"Проблема", №52, 24.11.1956.

Речь товарища М. А. ШОЛОХОВА

Товарищи делегаты! Как вам было уже сообщено нашим секретарем тов. Сурковым, советская литература не имеет своего плана на шестую пятилетку. К этому мне остается только добавить, что если бы какой-либо план и существовал, то, уверяю вас, он все равно не был бы выполнен и потому, что труд наш сугубо специфичен, и потому, что, по правде говоря, нет у нас в стране более неорганизованных людей, чем мы — писатели. (Смех).

В Союзе советских писателей 3.247 членов союза и 526 кандидатов, всего 3.773 человека, вооруженных перьями и обладающих той или иной степенью литературного мастерства. Как видите, сила на вид немалая, но пусть вас и не страшит и не радует эта цифра. (Смех). Ведь это же только «на вид», а на деле в значительной части писательский список состоит из «мертвых душ». (Аплодисменты).

Жаль только, что нет в наше время чичиковых, а то бы Сурков, несмотря на всю его коммерческую неопытность, одной крупной торговой операцией сумел бы нажить для Союза писателей целое состояние. (Смех, аплодисменты).

Я обязан сейчас, с глаза на глаз со своей родной партией, говорить о литературе пусть горькую, но правду. Этого требует от меня мой партийный долг, долг моей партийной и писательской совести и чести.

Здесь тов. Сурков довольно невнятно говорил о достижениях советской литературы последних лет и иллюстрировал это положение нарастающим количеством книг, выпущенных издательством «Советский писатель» в 1953, 1954 и 1955 годах. Знаете, как это по-русски называется? «Наводит тень на плетень». (Смех, аплодисменты).

Да разве количеством выпущенных книг измеряется рост литературы? Ему надо было сказать о том, что за последние 20 лет у нас вышло умных, хороших книг наперечет, а вот сератини хоть отбавляй! На тысячу писательских перьев за двадцать лет по десятку хороших книг. Как вы думаете — не мало ли? Вот о чем надо было сказать тов. Суркову, хотя вы и сами это отлично знаете.

Было бы странно, если бы сейчас, когда трудовыми руками советских людей создаются величайшие в мире гидроэлектростанции, наши пропагандисты все время твердили бы народу: «Однако мы все же построили в 1932 году Днепродзержинск».

А вот мы, писатели, построили себе этукую «днепродзержинскую» литературную плотину из произведений, написанных 20—30 лет тому назад, и чуть что нажмут на нашего брата-писателя, мы поворочаемся за эту плотину и не без аллюба заявляем оттуда: «Позвольте, как это не так? Как это мы не пишем? А «Жизнь Клима Самгина»? А романы Сергеева-Ценского? А «Железный поток» Сергеевичева? А «Цемент» Гладкова? А «Разгром» Фадеева? А романы Леонова и Федина? А «Чапаев» Фурманова? А «Бруски» Панферова?» И залпом перечислим еще десяток произведений, признанных читателями и поощренных временем. До каких же пор мы будем отсиживаться под благодатным прикритием этой беспомощной плотины?

С 30-х годов многонациональная советская литература пополнилась новыми именами замечательных мастеров прозы, поэзии, драматургии. Так что, слов нет, за все время своего существования наша литература создала немало полноценных произведений и по праву стала ведущей литературой в мире. Но ведь, положа руку на сердце, надо прямо сказать, что ведущая она стала не потому, что ею достигнуты какие-то ранее недостижимые для писателей высоты художественного совершенства, а потому, что все мы, каждый в меру своего таланта, глубинными средствами искусства, проникновенным художественным словом пропагандируем всеполюбящие идеи коммунизма — величайшей надежды человечества. Вот в чем секрет нашего успеха! А попробуй какой-либо писатель в наше время написать произведение с позиций антикоммунизма — имя такого писателя будет немедленно предано презрительному забвению, а книги его нечитанными запылятся на полках. Так что, как видите, и лавры принадлежат не столько тем, кто писал, сколько той, которая вдохновляла на создание больших произведений, — нашей родной Коммунистической партии. И мы, писатели, искренне, от всего сердца радуемся этому и готовы и впредь до последнего нашего дыхания служить своим словом делу партии Ленина и свято хранить и в жизни и в литературе ее благородные интересы. (Аплодисменты).

Если за последние годы в пагубном прорыве находится наша проза, то не в лучшем положении оказались и драматургия: мало, очень мало написано хороших пьес, и героические усилия Корнейчука и еще нескольких драматургов не могут спасти наши театры от острого репертуарного

голода. Корнейчук — здоровый парень, но ведь любой украинец, даже сам Тарас Бульба, нажил бы горб, если заставить его работать за двадцатерых. (Смех).

В чем же дело? Почему отстает наша литература?

Дорогой Никита Сергеевич! Очевидно, не желая обидеть писателей, Вы в очень сдержанной форме задали нам вопрос: «Не ослабла ли связь с жизнью у некоторых наших писателей?» Вы — великий человек, Никита Сергеевич, ну, а меня, как говорится, бог обидел, лишил этого драгоценного качества, а потому разрешите мне с грубоватой прямой спросить у Вас в свою очередь: может ли ослабнуть то, чего нет? (Смех, оживление).

в зале, аплодисменты). И можно ли оторваться от того, за что не держишься? (Смех, аплодисменты).

В том-то и беда, что не некоторые, а очень многие писатели давно уже утратили связь с жизнью и не оторвались от нее, а тихоночь отошли в сторону и спокойно пребывают в дремотной и непонятной мирозерцательной бездельности. (Аплодисменты). Как ни парадоксально это звучит, но им не о чем писать. И это в эпоху, когда страна и партия целиком поглощены огромнейшей созидательной, творческой работой! А не о чем писать им потому, что они не знают жизни, не общаются с народом так, как это следовало бы писателям.

Общезвестно, что Лев Толстой знал душу русского мужика, как никто из нас, современных писателей; Горький походил всю Россию пешком; Лесков исколесил ее на почтовых и волноносных лошадей; Чехов, даже будучи тяжело больным, нашел в себе силы и, движимый огромной любовью к людям и профессиональной писательской настоящей любознательностью, все же съездили на Сахалин. А многие из нынешних писателей, в частности многие из москвичей, живут в заколоченном треугольнике: Москва—дача—курорт (Смех, аплодисменты), и опять: курорт—Москва—дача. А разве же не стыдно так попустому тратить жизнь и таланты?

В Москве живет около 1.200 писателей. Положим, это естественно: Москва — столица, крупнейший культурный и промышленный центр страны. Но не естественно то, что, живя в столице, писатели и здесь ухитряются стоять в стороне от жизни. В простоте душевной я полагаю, что мои собратья-москвичи, задумав новые произведения, общаются с рабочими крупнейших промышленных предприятий, интересуются производством того или иного завода, жизнью, нуждами и чаяниями рабочих. Нет! Живут в лесу, и леса не видят.

Кто из писателей вошел как друг и близкий человек в какую-нибудь рабочую семью или семью инженера, новатора производства, партийного работника завода? Считанные единицы. Иначе Журиных открыли бы в Москве значительно раньше, чем Бочетов в Ленинграде. Живут мои братья-писатели чулками на отшибе и поодиночке, как старые деревенские бабы. (Смех). С грустью узнаю я о том, что нет писателя-друга ни в рабочем коллективе завода «Серп и молот», ни на заводе имени Сталина, ни на «Динамо», ни на «Красном пролетарии». Я счастлив буду, если ошибусь, но, думаю, не, что такую же картину мы увидим и на «Презере», и на «Трехгорке», и на «Калибре», и на шарикоподшипниковом заводе, и на других предприятиях Москвы.

Правда, писатели бывают на больших предприятиях в качестве гостей, а вернее, гастролирующих, и к общему нашему стыду иногда не стесняются получать за свои выступления соответствующее денежное вознаграждение из рабочей кассы. С каких же это пор общественная работа стала у нас платным делом? Некоторые писатели получают мзду даже за выступления в военных академиях. Пора положить конец этому безобразию! Пора внушить дельцам от литературы, что между эстрадным тенором, который голосом добывает себе днев-

ное пропитание, и писателем должна же существовать какая-то разница! (В зале оживление, смех, аплодисменты). Это нетерпимо вообще, и в особенности нетерпимо тогда, когда к заводской или иной кассе тянется рука писателя-коммуниста.

Почему же 1.200 писателей живут в Москве? Почему их и трактором не оторвешь от насиженных мест? На этот вопрос мне трудно ответить. Может быть, вы сами попытаетесь найти решение этой загадки? Знаю, однако, что такая расстановка творческих сил неправильна и ничем не оправдана. К сожалению, такое же положение мы наблюдаем и в Ленинграде, и в Киеве, и в Минске, и в Алма-Ате, и во всех областных и краевых центрах. Всюду писатели живут в городах, а вот писателя — жителя рабочего поселка или деревни вы почти нигде не увидите.

Вы ждете новых книг, товарищи? А я хочу вас спросить: от кого? От тех, кто не знает толком ни колхозников, ни рабочих? От тех, кто отсиживается и отдекаивается? Но ведь давным-давно известно, что под лежачий камень и вода не течет. Нет и не будет в ближайшее время добротных, полновесных книг, если положение в литературе не изменится самым коренным образом, а изменить его может только партия. Но об этом позже.

Мне хотелось бы сказать несколько слов по поводу выступления тов. Гафурова, вернее, той части его выступления, где он касается литературы. Тов. Гафуров прав, когда он говорит об отставании литературы. Но тов. Гафуров неправ, когда это отставание объясняет спадом творческой активности. Не в этом дело.

Определенное отставание литературы от жизни вполне закономерно, потому что серьезная литература не кинохроника и создание больших полотен требует, как говорил Лев Толстой, не только изнурительного труда, но и очень длительного времени.

Известно ли тов. Гафурову, что Алексей Толстой писал свой роман «Хожение по мукам» 22 года, а роман «Петр Первый» писал 15 лет и так и не успел закончить?

Таких примеров можно привести множество, и все это, наверное, тов. Гафурову известно. Но я уверен, что ему не известна хорошая, но соленная украинская поговорка: «Скоро робит — слепых рождает». (Смех, аплодисменты). И к этому есть множество примеров, когда скороспелые произведения, рожившись из-под пера писателя слепыми или полуслепыми, так и не увидели широких масс читателей.

Наш советский читатель простит нам медлительность, но никогда не простит плохой, серой книги!

В жизни, как и вы, тов. Гафуров, я предпочитаю самолет арбе, ну а в литературе я предпочитаю другое: лучше уже ехать на арбе с полезной для народа тяжелой кладью, нежели лететь на самолете с легоньким несессером в руках, с напильниками для ногтей, с равнокалиберными щеточками и прочими фатовскими принадлежностями личного обихода. К слову сказать, и в выступлениях на литературные темы зачастую бывает полезнее идти тяжелой и медлительной поступью, чем порхать этаким легковесным и легкомысленным мотыльком.

Не обижайтесь, дорогой тов. Гафуров, и простите мне, возможно, излишнюю полемическую запальчивость. Но я ведь тоже, как и вы, южанин и привык спорить темпераментно, а не плестись в хвосте у противника. (Смех, аплодисменты). Вы говорите о творческом горении. Ну, знаете ли, эту штучку градусником не измеришь, а вот полемическая температура у нас с вами одинаковая, несмотря на то, что вы — таджик, а я — русский. Вы — читатель, я — писатель, и мы здесь с вами наглядно продемонстрировали, как пылко мы меня любиме и какой огромной взаимностью я вам отвечаю. (Смех). А вы еще говорите об отсутствии взаимности у писателей и читателей. Какое там отсутствие, когда нас ведь не разовьешь! (Смех, аплодисменты). Что ж, надеюсь, мы квити с вами, тов. Гафуров? Ну вот и хорошо!

Нет ни за последние время, таких книг, которые завоевали бы сердца и любовь широчайших читательских масс. Кто же в этом виноват? Разумеется, прежде всего — сами писатели, но повинны в этом и партийные организации, призванные заниматься вопросами культуры, да и читатели не в стороне, а в бороне, в бороне ответственности за нынешнее состояние литературы, потому что литература, как известно, не только внутреннее дело самих писателей, но и общественное, и прежде всего — партийное дело.

Партия не раз поправляла Союз писателей за идеологические срывы на отдельных участках литературной работы, и мы всегда чувствовали ее твердую, направляющую руку. Спасибо ей за это!

Но вот как все мы просмотрели то, что значительное число писателей давно уже находится не у дел, живет в отрыве от жизни, — это уму непостижимо! Вспомните, когда некоторые из наших тридцатити-

сячников — председатели колхозов, директоры МТС — попробовали жить на старых местах работы, а в колхозы и МТС только наезжать, в стране началась целая кампания: об этом неоднократно писала «Правда», была поднята на ноги вся печать. Таких руководителей, которые пробовали жить в стороне от основного места своей работы, сурово осуждала вся наша общественность. А вот писатели годами, десятилетиями живут в отрыве от своего литературного производства, и никто им и слова не молвит, как будто так и надо, как будто для бойца второй эшелон — не временное местопребывание, а нечто вроде постоянного, оседлого местожительства.

Надо решительно перестроить всю работу Союза писателей. Разве никому из нас не видно было после смерти Горького, что среди писателей нет такого человека, который был бы ему хотя бы по плечу. Среди нас не было и нет, а возможно, и не будет равного Горькому по той безмерной любви, которую списал он всей своей жизнью и творчеством у рабочего класса, у труженников нашей страны и далеко за ее пределами.

На что мы пошли после смерти Горького? Мы пошли на создание коллективного руководства в Союзе писателей во главе с тов. Фадеевым, но ничего путевое из этого не вышло. А тем временем постепенно Союз писателей из творческой организации, каким он должен был быть, превратился в организацию административную, и хотя исправно заседали секретариат, секции прозы, поэзии, драматургии и критики, писались протоколы, с полной нагрузкой работал технический аппарат и развозили курьеры, — книг все не было. Несколько хороших книг в год для такой страны, как наша, это предельно мало.

В писательский обиход вошли довольно странные, на мой взгляд, выражения, например: «творческая командировка». О какой творческой командировке может идти речь, когда писатель всю жизнь должен находиться в атмосфере творчества. Или еще хлеще: «Секретарь союза такой-то получил годичный творческий отпуск». Да что же это такое, как не прямое признание того, что писатель до «творческого отпуска» занимался черт знает чем, только не творчеством. Ну, и пошла писать губерния... Фадеев оказался достаточно востолбовым генсеком и не захотел считаться в работе с принципом коллегиальности. Остальным секретарям работать с ним стало невозможно, 15 лет тянулася эта волянка. Общими и дружными усилиями мы похитили у Фадеева 15 лучших творческих лет его жизни, а в результате не имеем ни генсека, ни писателя. А разве нельзя было в свое время сказать Фадееву: «Востолбовие в писательском деле — вещь ничтожная. Союз писателей не воинская часть и уж никак не штрафной батальон, и стоять по стойке «смирно» никто из писателей перед тобой не будет, тов. Фадеев. Ты — умный и талантливый писатель, ты тяготеешь к рабочей тематике, сядишь и поезжай-ка годика на 3—4 в Магнитогорск, Свердловск, Челябинск или Запорожье и напиши хороший роман о рабочем классе».

Не беда, если бы мы в то время потеряли генсека Фадеева, но зато к какой огромной радости мы обрели бы потом Фадеева-писателя, с новой книгой, возможно, равной по значимости «Разгрома».

Чем занимался Фадеев на протяжении этих 15 лет? Идеологически руководил Союзом писателей? Нет, мы всегда и без оснований считали и считаем, что руководит нами партия. Долгие годы Фадеев участвовал в творческих дискуссиях, выступал с докладами, распределял кватирки между писателями и ничего не писал. Некогда ему было заниматься такими «пустяками», как писание книг. Но достаточно было Фадееву с 1944 года на несколько лет освободиться от секретарских обязанностей, и он за короткий срок создал прекрасное произведение о молодоговорящем Краснодоне. Пожалуй, как никто из нас — прозаиков, Фадеев обладает чудесной особенностью глубоко и живоносно писать о молодежи, и в «Молодой гвардии» в полную меру раскрылась эта черта его большого таланта.

Прошло несколько лет, и снова не стало Фадеева-писателя, снова появился Фадеев — деятель от литературы. Бывают же такие поистине сказочные превращения! И эта страна чудес не так уж далека: до улицы Воровского отсюда — рукой подать.

Неужто для административно-хозяйственной работы не нашлось у нас в партии человека масштабом поменьше? До чего же иногда мы безрассудно и нерасчетливо, не по-хозяйски тратим силы талантливейших людей нашего времени! Что касается того, что Фадеев был художественным руководителем писательского ансамбля, если можно так выразиться, то и это не отвечает действительности. Ни Федина, ни Гладкова, ни Леонова — никто из крупных прозаиков не ходил к Фадееву учиться писать романы. У каждого из нас своя манера письма, свое видение мира, свой стиль, и Фадеев не мог быть и не был для нас непреодолимым авторитетом в вопросах художественного мастерства. К Фадееву же ходили точно так же, как в настоящее время не идут к Суркову учиться, как писать стихи, ни Якуб Колас, ни Рыль-

ский, ни Тычина, ни Твардовский, ни Тихонов, ни Маршак, ни Исаковский, ни Шипачев — никто из крупных поэтов. И они, да и сам Сурков, отлично понимают, что в оркестре, кроме барабана и медных тарелок, существуют и другие, не ударные инструменты. (Смех). Чему же мы учиться у Суркова? А вот к Горькому шли и поэты, и прозаики, и критики, и драматурги... Если же к таким литературным руководителям, как Фадеев или Сурков, никто из их товарищей по профессии за решением творческих вопросов не ходил, не ходит и ходить не собирается, то, спрашивается, зачем же нам такие руководители нужны?

А вы думаете, если бы во главе руководства стоял, допустим, Шолохов или Симонов, то положение было бы иным? Было бы то же самое. Тех же щей, да поэжи влей. А писатели сказали бы еще проще: «Хрен редьки не слаще!». Со скольких лет всем известно, что от перестановки слогов сумма не меняется. И не в этом суть дела.

Творческих работников литературы нужно избавить от излишней заседательской суеты, от всего того, что мешает им создавать книги. Мы и так понесли немалый урон от того, что такие крупные художники слова, как Леонов, Тихонов, Федин и другие, потратили уйму драгоценного времени на всяческие заседания, вместо того, чтобы на воле изучать жизнь и писать книги. Пора с этим кончать! Читатели ждут от нас книг, а не речей на заседаниях. Писателям необходимо помочь приблизиться к жизни вилотную, писателям необходимо повернуться к жизни лицом. Для этого не надо никаких специальных решений.

Мне думается, надо просто поручить Союзу писателей выяснять писательские заявки путем личных переговоров с отдельными писателями. Ведь не все же из них хотят безвылазно жить в больших городах. Почему бы нам не помочь тем писателям, которые хотят всерьез работать над произведениями, посвященными колхозной или совхозной тематике, поехать на 3—4 года в любую, по их выбору, сельскую местность, построить им там дома, и пусть себе живут и пишут на здоровье. В любое время такой писатель, разумеется, может приезжать в Москву, Минск или Киев, словом, куда, откуда он поедет, но зато основное время он будет жить среди героев своей будущей книги, а это уже залог успеха в работе. Строим же мы дома для инженерно-технических работников. Почему нельзя построить для писателей? Я говорю об этом потому, что писательский труд — это по сути кустарное производство на дому. Если писатель не рыщет в поисках материала, то он — дома, за письменным столом, и труд его нельзя уложить в рамки обычного рабочего дня. А поэтому жить в коммунальной квартире, допустим, где-либо в совхозе, для него вещь неприемлемая. Одно дело, когда на кухне шипит один примус и в доме одна, допустим, даже очень разговорчивая, жена (описание и смех в зале), — тут есть место с грехом пополам навести порядок и добиться тишины. (Смех).

Другое дело, когда на общей кухне шипят восемь примусов и восемь женщин усердно состязаются в славословии перепалке. Тут уж ни о какой работе не может быть и речи. (Смех).

Ехать на длительный срок писателям надо всерьез, то есть, что называется, со всеми потрохами, с женами, чадами и домочадцами. Это не «творческая командировка». Таким писателям надо бы помочь и средствами передвижения, чтобы они могли ездить туда, куда им понадобится, не голодая на дорогах и не находясь в постоянной зависимости от директора совхоза или МТС, от секретаря райкома или председателя райсовета.

Разумеется, далеко не всем писателям необходимо ехать в деревню. Пусть перебираются туда те, кому близки интересы колхозной жизни. А тем писателям, кто думает писать о рабочем классе, о городской интеллигенции, будут рады всюду, в любом промышленном центре нашей страны, в любом городе.

Писатель-коммунист, поехавший на село, волеется в местную партийную организацию и, безусловно, найдет себе там место и дело, которое не мешало бы его основной работе. Беспартийный писатель не откажется от посильной ему общественной работы. А живой материал — вот он, всегда у писателя под руками. Успевай только осмысливать то, что происходит на твоих глазах. Жить жизнью народа, страдать страданиями людей, радоваться их радостям, делком войти в их заботы и нужды — вот тогда у писателя и будет настоящая, волнующая сердца читателей книга.

Почему бы, скажем, волжанину Панферову не пожить несколько лет на берегу Волги и написать роман так, чтобы он и для читателя был подлинной «Волгой-матушкой», а не Волгой — троюродной теткой. (Смех). Писатель тончайшей наблюдательности и всеполюбящего владения добротным русским языком, Паустовский ежегодно бывает гостем в окрестностях Мецеровской пижменности, столь живописно воспетой здесь тов. Ларионовым. Почему бы не помочь и ему оседло устроиться где-либо на берегу? Или? Не верю, чтобы завзятый рыбак Паустовский в часы мертвого

бесловья не смотрел вокруг на колхозную жизнь жадными глазами художника. (Смех). А будет смотреть — будет у нас и надежная книга. Пора бы, скажем, и Первенцеву, временно покинув Москву, снова основательно пожить на родной ему Кубани. Талантливый поэт Сергей Васильев недолго погостил на своей родине — в Курганской области и написал хорошие стихи. А если поживет там подольше, то будет уже цикл стихов, а может быть, и поэма. Уроженцу Алтая писателю Пермитину тоже не вредно было бы возвратиться в родные края. Глядясь, через несколько лет еще одна книга будет в нашем активе. Писатель Бабаевский правильно решил, что «Кавалер Золотой Звезды» уже не принесет ему четвертой медали лауреата Сталинской премии (смех), и поехал в Китай, по слухам, на три года. Что ж, привезет оттуда хороший роман о наших друзьях — китайских крестьянах, это будет большой радостью для всех нас.

Всем писателям, кто вздумает стать по-настоящему на новых и необжитых ими землях нашей просторнейшей страны, надо крепко помочь материально, потому что представление о том, что у всех писателей денег куры не клюют, не что иное, как обывательский миф.

Говорю я это вам, товарищи, а у самого душа болит: слушает мой инженер-технический планетарий тов. Зверев, наш железный министр финансов (смех), и нервняка уже смотрит на меня, как на своего классического врага. (Смех). Чем же я его могу утешить? Во-первых, от этого плана до его осуществления — дистанция огромных размеров. Во-вторых: если даже из трех писателей-новоселов один напишет хорошую, дозрелую нужную нам сейчас книгу, и то расход будет оправдан. А чтобы окончательно задобрит дорогого тов. Зверева, могу ему клятвенно пообещать здесь, что никогда в жизни больше не буду выступать на страницах «Правды» по вопросу о семечковых и косточковых фруктовых деревьях, находящихся в личном пользовании колхозников. В конце концов, какое мне дело до этих садов? Тов. Зверев лучше меня разбирается в этом вопросе. Он знает, когда колхозникам надо вырубать свои сады, а когда сажать их заново. Так что тут ему и книги в руки. (Смех, продолжительные аплодисменты).

Особо мне хотелось бы обратить ваше внимание на нашу смену, на молодых писателей. Все, что я говорил о писателях старшего поколения, о необходимости для части из них перенести обстановку, в полной мере относится и к наиболее талантливым молодым, с той только разницей, что молодым необходимо будет оказать более значительную материальную помощь и отнестись к ним с большей бережливостью и заботой. Почти все они живут отнюдь не на литературные заработки и, оставив основную профессию для написания первой большой книги или серии рассказов, окажутся в беспомощном материальном положении. А некоторым из них, например учителям, придется неизбежно прощаться с прежней профессией, так как быть одновременно и учителем, и писателем невозможно. Это ясно для всякого, кто хоть в какой-то мере знает, как до отказа загружен у нас рабочий день каждого учителя.

После первого съезда советских писателей Горький говорил: «Мы должны выработать целую армию отличных литераторов — должны!» Об этих словах Горького не надо забывать, товарищи делегаты! Вспомните — после смерти Горького в литературных рядах остались такие писатели, как Сергеев-Ценский, Пришвин, Серафимович, Якуб Колас, Гладков, Ольга Форш, Мариэтта Шагинян, Вересаев, Алексей Толстой, Новиков-Прибой, Шипков и другие. Это — из стариков. Позже пришли в литературу остальные, ныне широко известные писатели, но самым молодым из них теперь уже перевалило за пятьдесят. А смена идет замедленным шагом. Меньше сейчас литературных имен из молодых, чем было их в 1936 году, в год смерти Алексея Максимовича. Тем большая ответственность лежит на нас за подготовку и рост молодой смены. Писатели растут медленно, и надо уже всерьез и глубоко думать о том, что будет иметь советская литература не только в шестой пятилетке, но и через 20—25 лет, когда из нынешних ведущих писателей не останется почти никого.

Все мы — сыны нашей великой Коммунистической партии. Каждый из нас, думая о партии, всегда с чувством огромного внутреннего волнения мысленно говорит: «Партия — родная наша мать — ты нас вырастила, ты нас закалила, ты ведешь нас в жизни по единственно верному пути». И вот сейчас я, глядя на вас, говорю в заключение:

— Родная партия! У тебя могучий и светлый коллективный разум и материнские руки, умеющие быть и суровыми и нежными. Ты найдешь необходимую форму помощи своим писателям, и когда они, открытые твоим вниманием и лаской, создадут новые, достойные тебя, партия, и Родины произведения. — благодарный советский и зарубежный читатель в первую очередь тебе скажет свое сердечное спасибо! (Бурные, продолжительные аплодисменты).